История одной защиты: кандидатская диссертация Я. С. Лурье как этап становления историка

Я. С. Лурье – видный советский историк, исследователь летописей, источниковед и публикатор источников по истории средневековой России. Практически неизвестным остается время становления его как специалиста, пришедшее в значительной части на годы Великой Отечественной войны. В Томске в 1942 г., в эвакуации, через год после окончания университета Лурье защитил кандидатскую диссертацию. Уже здесь он в полной мере проявил склонность к изучению российской истории в контексте европейских событий, что позволило ему внести существенный вклад в изучение англо-русских отношений XVI в.

В диссертации Лурье ясно видно стремление сохранить интеллектуальную независимость. Приспособление к официальной идеологии происходит по «мягкому» варианту. Автор минимально использует цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса, лишь по совету консультантов добавляет ссылку на выступление В.М. Молотова.

Защита исторической диссертации Яковом Лурье в Томске была явлением отнюдь не провинциальным. Его оппонентами выступали эвакуированные из столиц профессор, заведующие кафедрами ТГУ; благожелательный и заинтересованный отзыв дал классик отечественной медиевистики А.И. Неусыхин. Работая в Енисейске и защищаясь в Томске, Лурье оставался на переднем крае российской исторической науки. Чтобы защитить диссертацию в 1942 г., Якову Лурье требовалось проявить значительную работоспособность и целеустремленность. Ему удалось достичь успеха, используя самые скудные возможности для достижения самостоятельно выбранной цели.

Ключевые слова: история исторической науки, Лурье Яков Соломонович, Томский университет, эвакуация науки в годы Великой Отечественной войны, англо-русские отношения XVI в.

От Александровой слободы до Томска

Работа над этой темой начиналась со случайно попавшего в наши руки сборника документов Юрия Васильевича Толстого по русско-английским отношениям XVI в. Не очень известный ныне «дилетант» (чиновник по должности, но историк по сути)¹, он издал документы из архивов двух стран на двух языках, выполнив при этом сложнейшие переводы косноязычных средневековых записей.

Заслышав о русско-английских отношениях при Иване Грозном, многие вспомнят о бранном письме русского царя к английской королеве, которую он в официальном документе назвал «пошлой девицей». Алексей Николаевич Крылов, мастер прикладного использования истории, в одном из своих колоритных публичных выступлений так пересказывал этот сюжет: «Иван Грозный, опасаясь, что бояре его низложат и вынудят отказать от престола, писал Елизавете о своих государевых нуждах ... Елизавета отвечала, умолчав о приюте, о нуждах и условиях торгового договора. Иван Грозный на это ей отписал: “Я тебе писал о своих государевых нуждах, а ты мне отвечаешь о нуждах твоих мужиков торговых, и вышла ты как есть “пошлая дура”». Немец Мартенс, издавший собрание всех наших дипломатических сношений, поясняет, что слова «пошлая дура» при Иване Грозном имели смысл: «простая девица». Но я думаю, что это немецкое измышление силы не имеет»².

* Демидова Лариса Денисовна – кандидат исторических наук, Специализированный учебно-научный центр Новосибирского государственного университета (СУНЦ НГУ). E-mail: lardem.nsk@gmail.com

** Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет. E-mail: alkir.nsk@gmail.com

¹ «Воспитанник царскосельского лицея, крупный бюрократ и церковный деятель» – так аттестует его Я. С. Лурье на с. 3–4 своей диссертации, уточняя, что Ю. В. Толстому доводилось бывать и вице-губернатором в Твери, и товарищем обер-прокурора Синода (См.: Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942; Более подробные биографические данные Ю.В. Толстого приведены у Брокгауза и Ефрона).

² Крылов А. Н. Из истории дипломатии // Крылов А. Н. Мои воспоминания. М., 1945. С. 328.

Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею (Русский музей).
Александр Литовченко создал свою знаменитую картину в тот же год, когда Юрий Толстой издал свой выдающийся сборник документов (1875).

Академику-математику простительны и искаженная цитата, и неверное понимание смысла происходившего обмена. Не для того Иван Грозный грыз и выметал "крамолу" собачьими головами и метлами опричников, чтобы доживать век изгнанником в Англии. Между тем, стремление явить читателю наглядную иллюстрацию буйной несдержанности грозного царя даже авторитетных историков подталкивало к повторению версии, идущей со времен Н. М. Карамзина. Вадим Борисович Кобрин в великолепной научно-популярной книге, подытожившей труды его жизни, объяснял гнев Ивана Грозного в адрес Елизаветы отказом ее участвовать в Ливонской войне³. Однако документы ясно показывают, что камнем преткновения действительно стала просьба об убежище. А именно – то, что Елизавета, хотя и согласилась в случае необходимости приютить Ивана IV, отказалась высказать симметричную просьбу в его адрес («она не решается высказать просьбу, подобную нашей»). Русскому же царю такой обоюдный договор был важен, чтобы создать систему противодействия «непокорливым подданным», включающую и пункт о выдворении из континентальной Европы тех англичан, через которых доходили на запад сведения из России о диких расправах, чинимых Иваном⁴.

Этот мотив не подчеркивается Иваном IV. Ожидая отрицательной реакции партнера на предложение об ограничении политических свобод, он маскирует действительную причину своей просьбы доводом, важным для «царских величеств». Увидеть в документе то, что маскируется его автором – одна из задач, ради которых и существует историческое источниковедение. Вот почему краткое википедийное упоминание о том, что классик отечественного источниковедения Яков Соломонович Лурье защищал кандидатскую диссертацию по истории русско-английских отношений в XVI в., вызвало желание с этой диссертацией познакомиться.

³ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/GROZNY/GROZNY_3.HTM (дата обращения: 01.08.2018 г.).

⁴ Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 164–188.

Это желание подстегивалось тем, что диссертация человека, почти вся жизнь которого связана с Петроградом – Ленинградом – Петербургом, была защищена в Томске. Не «Ленинка»-РГБ, не «Салтыковка»-РНБ, а библиотека Томского университета оказалась единственной из всех библиотек страны, хранящей экземпляр этой диссертации. Сибирские версты затруднили доступ к этой работе столичных исследователей. Особенность каталога, не позволяющая найти диссертацию через электронный поиск библиотеки ТГУ, надежно укрыла текст от случайных читателей. Но великодушная помощь отлично знающих свое дело библиографов (спасибо Веронике Дмитриевне Шуберт) позволила нам все-таки получить в свои руки том, прошедший, судя по следам на бумаге, хотя и не огонь, но воду.

«Слова не мальчика, но мужа»

Томская диссертация Я. С. Лурье – раритет: ее не читали авторы полудюжины диссертаций и монографий, посвященных англо-русским отношениям XVI в. И даже автор самого тщательного историографического обзора по этой теме лишь кратко говорит о наличии диссертации Лурье (со ссылкой на мимолетное упоминание в мемориальной статье И. Е. Ганелиной), не касаясь ее существования⁵.

Уже оформление диссертации вызывает великое изумление. Англоязычные названия в сносках, дописанные от руки в пропуски, оставленные машинисткой; полностью рукописный список литературы; чернильные исправления ошибок машинистки; отдельные слова и целые страницы, зачеркнутые и замененные вставками между строк либо дополнительными страницами! Разительное противоречие с оформительским буквоедством нашей эпохи. Выражение "на правах рукописи", хорошо знакомое авторам и читателям современных диссертаций, вряд ли когда воплощалось так буквально, как в диссертации Лурье.

Простота оформления нимало не сказалась на качестве исследования. Диссертация, защищенная всего через год после оставления автором студенческой скамьи, производит вполне взрослое впечатление. Между тем, дипломная работа Лурье (выполненная в семинаре источниковеда М. Д. Приселкова), была посвящена совсем другой теме – политическим процессам XV в., и две публикации «вундеркинда», которому «казалось... с юных лет... предназначена судьбою светлая дорога... к звездам»⁶ в Ученых записках ЛГУ (в 1939 и 1941 гг.) связаны с этой тематикой. Только последняя из трех студенческих публикаций (тоже 1941 г.) посвящена письмам Джерома Горсея. По всей видимости, работа над русско-английскими отношениями началась в последний год учебы в университете; если так, то диссертация была подготовлена не более чем за два года, из которых второй – в отрыве от столичных архивов и библиотек.

И обзор литературы, и обзор источников могут считаться классическими: отдельные сюжеты в них выходят на общий смысл работы и увязаны с ее новизной. Историю русско-английских отношений автор вписывает в контекст общеевропейской борьбы государств, а деятельность тех или иных английских послов в отношении России увязывает с их политическими взглядами, с наличием в английских высших кругах разных позиций по русскому вопросу.

Обозревая работы предшественников, автор далек от школярского перечисления, кто про что писал. Лурье описывает именно суть работы, особенности подхода, оценивает вклад каждого автора в изучение темы, не боясь при этом высказываться снисходительно-критически в адрес людей, много старших и по возрасту, и по общественному положению (положению, впрочем, в том старом обществе, разрыв с которым так настойчиво подчеркивался в советские десятилетия). В источниковедческом разделе Лурье тщательно опи-

⁵ Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI – начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х – 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. Литература по теме перечислена здесь же; автору неизвестно лишь самое свежее исследование: Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI – XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁶ Зимин А. А. Мой добрый и старинный друг // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 186.

сывает источники, в том числе хранящиеся в РГАДА (тогдашнем ГАФКЭ) и в архиве Ленинградского отделения Института истории, а также изданные англичанами (начиная с XVII в.) и русскими; при этом дает уничтожающую критику специального тома "Сборников РИО" – критику прежде всего с точки зрения принципов издания источников.

Диссертация Я. С. Лурье. Фрагмент введения.
(Библиотека Томского гос. университета)

Объемный труд в 176 страниц удачно дополняют "Тезисы к диссертации" – прототип нынешнего автореферата⁷. Концентрированно излагая самую суть, автор ясно показывает, что он не просто описывает явление недостаточно известное и использует источники недостаточно исследованные; он показывает, что полученные выводы существенно меняют представления о XVI веке – о том, что у России и Англии не было взаимных политических интересов.

Какова судьба этого научного результата? Е. Н. Солодкина, обобщая изучение ранних русско-английских связей на протяжении целого столетия, определенно связывает начало обсуждения политических (а не только экономических) интересов Англии и России XVI века с именем Лурье⁸: работа, значит, не пропала даром. С другой стороны, сам Лурье, частично изложив результаты диссертации в статье 1947 г. в Ученых записках ЛГПИ им. Герцена⁹, возвращался к этой теме статьями 1957 и 1961 гг. Последняя из них, наиболее полно соответствующая названию и содержанию диссертации, построена как ответ, возражение на новейшие исследования (диссертация Н. Ф. Прончатова 1955 г., монография Н. Т. Накашидзе 1956 г.), специально посвященные русско-английским отношениям второй половины XVI в. Радуюсь тому, что историки отошли наконец от представления о

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 19–20 об.

⁸ Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI - начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х - 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 13.

⁹ Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 121–145.

чисто экономической сущности русско-английских отношений, Лурье пеняет им за недооценку общей системы международных отношений как фактора, определяющего ход русско-английских переговоров¹⁰. А ведь именно этот подход, именно включение двусторонних переговоров в контекст отношений каждой из стран с другими (с Испанией, Швецией, Голландией, с папой римским) составляло изюминку его работы двадцатилетней давности. Все-таки диссертация Лурье не оказала того воздействия, какое она могла бы оказать, не будь она заперта в Томске, не будь автор ее после развертывания борьбы с "безродными космополитами" ограничен в возможности публикаций.

Впрочем, наше внимание сейчас обращено не на историографию русско-английских отношений XVI в., но на личность Я. С. Лурье. С этой точки зрения важнее не научное значение текста, важнее история его создания. Чтобы читатель диссертации мог видеть процесс создания ее текста – это совершенно необычно. Но эта исключительная возможность у нас есть. Чтобы понять, как она появилась, надо теперь познакомиться с условиями, в которых диссертация готовилась к защите. Сделать это мы можем благодаря любезной помощи сотрудников Гос. архива Томской области, и прежде всего – Анастасии Геннадьевны Караваевой.

Вдали от цивилизации

Поворотным месяцем 1941 года для Якова Лурье стал не июнь, как у многих его ровесников, но август. Слабое зрение избавило его от призыва в армию. В книге об отце, почти полвека спустя, Яков Соломонович вспоминал, что «Все студенты, не взятые в армию и в ополчение, находились в июне-августе на рытье окопов... Во второй половине августа многих из этих землекопов прогнали отступающие части»¹¹. Выполнение оборонных заданий каким-то образом удалось сочетать с завершением учебных мероприятий хотя бы для части студентов. Как видно из копии диплома, 4 августа решением государственной экзаменационной комиссии Якову Лурье была «присвоена квалификация историка»¹².

Девятнадцатого августа декан В.В. Мавродин подписал благожелательную официальную характеристику Лурье с рекомендацией «на педагогическую работу в Педагогический Институт»¹³ – с больших букв, но без точного указания, в какой именно. «В 1941 г. окончил ун-т с отличием и получил путевку в распоряжение Красноярского Крайона» – так сообщает сам Лурье в официальной автобиографии 1942 года¹⁴. Возможно, в августе еще не было точно известно, в какой именно институт его отправят, однако в общем виде путь на ближайшее время был определен: эвакуация, Восточная Сибирь, преподавание. В книге об отце Яков Соломонович тщательно избегает упоминания собственной персоны. Но поскольку еще 19-го числа он в ЛГУ получал характеристику, похоже, что выехал на восток он одним поездом с отцом в двадцатых числах августа, и это был «один из последних поездов, выехавших из Ленинграда до окружения города»¹⁵.

Удивительно, что и подписи (декан и секретарь), и печать на характеристике, сохранившейся в деле Томского университета, подлинны. Был ли то второй экземпляр документа – свидетельство житейской предусмотрительности молодого историка? Или характеристика, данная в единственном экземпляре, не пригодилась?

Последнее не исключено, потому что енисейская карьера Я.С. Лурье началась не в пединституте, который ему прочил В.В. Мавродин, а в педучилище, готовящем воспитателей детских садов и учителей начальной школы. На истории трудоустройства Лурье в

¹⁰ Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 419–443.

¹¹ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни. Париж, 1987. С. 175. Книга, опубликованная в обход советской цензуры, издана от имени умершей уже тети Якова Соломоновича.

¹² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни... С. 175.

городе Енисейске придется остановиться подробнее, поскольку этот сюжет создает основу для путаницы, и даже дважды.

Характеристика с места работы – обязательная часть пакета документов для защиты диссертации в советское время.
(Государственный архив Томской области)

Путаница в датах возникает из сопоставления автобиографии и личного листка по учету кадров¹⁶ – заверенного руководством Енисейского учительского института, но заполненного самим Лурье¹⁷. Листок по учету кадров содержит полный послужной список Лурье. Первая строка в нем вполне согласуется с автобиографией: работа в Эрмитаже в 1938–39 гг. Удивляют вторая и третья: поступление на работу в педучилище и пединститут относятся к 1940 году. Поскольку сразу несколько других документов из дела, включая написанную собственноручно Лурье автобиографию, ясно указывают на 1941-й и как год окончания университета, и как год начала работы в Енисейске, в данном случае мы несомненно имеем дело с опiskой. Это немного удивительно, ведь дата «1940» упоминается на двух строках три раза; и все прочие даты (и 1937, и 1938, и 1942) указаны без ошибок. Но другое объяснение, кроме механической ошибки, невозможно: даже в этой же самой учетной карточке, на первой ее странице, в рубрике «педагогический стаж» Лурье пишет: «начал работу с 15/X 1941».

¹⁶ Соответственно, л. 2–2 об. и 4–4 об.

¹⁷ «На каких иностранных языках говорит» – вопрошал бланк. Ответ: «Английский (плохо)». Ясно, что написать такое про человека, приложением к диссертации представившего собственный перевод нескольких документов со староанглийского языка, мог только сам этот человек.

Вторая путаница связана с местом работы в этом старинном, но к 1940-м годам отнюдь не крупном городке. В учетном листке четко сказано, что первые три месяца (сентябрь – ноябрь) Лурье проработал в Енисейском педагогическом училище им. А. М. Горького, а с декабря работал в Енисейском государственном учительском институте. С чем связана перемена места работы?

Авторы специальной статьи¹⁸ сообщают, что в 1941 г. Енисейское педучилище повысилось в статусе до учительского института. Это позволяет предположить, что перемена произошла только формальная, фактически же Лурье весь учебный год проработал в одном месте. Но сам Яков Соломонович в автобиографии подчеркнуто разделяет два этапа: «был направлен на работу в г. Енисейск, сперва (до декабря 1941 г.) в Педучилище им. Горького, затем – в Гос. учительский институт). И на официальной Интернет-странице Лесосибирского пединститута (преемник Енисейского) сообщается о том, что превращение училища в институт состоялось еще летом: "На основании постановления Совета Народных комиссаров (СНК) РСФСР от 22 июня 1940 года № 463 и в соответствии с приказом Народного Комиссара Просвещения РСФСР от 29 июня 1940 года № 1011 Енисейское педагогическое училище было реорганизовано в двухгодичный Енисейский учительский институт"¹⁹. Важное уточнение находим чуть ниже на этой же странице: «К началу приемных экзаменов преподавательский состав не был полностью укомплектован. Часть преподавателей совмещали работу в институте с работой в педучилище, имели недельную нагрузку до 42 часов» – значит, педучилище и учительский институт все же не одно учреждение.

Загадка разъясняется воспоминаниями Генриетты Евгеньевны Гасец (Степановой) – одной из учениц того самого педучилища (ныне – Енисейский педагогический колледж). Она сообщает, что «Педучилище им. А. М. Горького из Красноярска перевели в Енисейск в августе 1941 г.». И далее: «В 1942–1943 г., когда я училась на II курсе педучилища, на втором этаже занимали 2–3 аудитории студенты историко-филологического факультета Енисейского учительского института»²⁰.

Вопрос, таким образом, разрешается вполне определенно: местное Енисейское педучилище было в июне 1941 г. повышено до учительского института, но одновременно (в августе 1941 г.) из Красноярска в Енисейск было переведено тамошнее педучилище. В каждом из заведений училось по несколько десятков человек. Вероятно, объединение имело целью более экономное использование преподавательских ресурсов. Почему объединение произошло не на базе краевого центра, крупного и быстро растущего Красноярска, а на базе «уездного города» Енисейска? Может быть, как раз поэтому: в Красноярск эвакуировались заводы, здания наверняка были в дефиците.

Еще один вопрос порождает сопоставление первой и второй страниц уже цитированной учетной карточки. Как совместить «IX.1941» в качестве даты начала в педучилище и педагогический стаж «с 15/X 1941»? Ответ на этот вопрос возвращает нас к явлению, пережитки которого памятливы всем, кто успел застать Советский Союз. Во время Войны это еще не называлось «ездить на картошку», потому что задачи ставились гораздо шире. Весь первый месяц учебы студенты провели на сельскохозяйственных работах в «близлежащем» (56 км!) колхозе – об этом мы тоже знаем из воспоминаний Г. Е. Гасец.

Неизвестно, работал ли в колхозе Лурье. Может быть, ему и удалось избежать этого неучебного мероприятия. Но он точно не мог избежать жизни в Енисейске. Процитируем еще раз упомянутые воспоминания о том, как жили студенты педколледжа и их наставники: «Летом учителя возглавляли работу по выращиванию овощей (капуста, свекла, морковь) на огороде, который был за речкой Мельничная за домами. Учащиеся, в основном

¹⁸ Румянцев М. В., Семенова Е. В., Семенов В. И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25498> (дата обращения: 30.07.2018 г.).

¹⁹ URL: <http://ipi.sfu-kras.ru/2017-07-10-03-47-39/2012-01-16-15-23-06> (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²⁰ URL: http://epk.ucoz.ru/Coll/myz/40/0_peduchilishhe.pdf (дата обращения: 01.08.2018 г.).

местные, ходили на прополку, поливали и удобряли коровяком, фекалией, золой. Поливали в 5 часов утра». Питались студенты в школьной столовой. «Весной особенно было трудно. Организм слабел, не было сил. Некоторые не ходили на занятия. Лежали в постели. Постоянно преследовало ощущение голода. Печи топили сырыми дровами. Поэтому они плохо нагревались. В аудиториях было холодно. В общежитии тоже было холодно, негде было согреться. На уроках постоянно сидели в верхней одежде и в головных уборах. В зимние месяцы писали карандашом, т.к. замерзали чернила». Так было не только в Енисейске, и не только в педучилище: картина типичная для военных лет. Но цитаты из воспоминаний не оставляют места сомнениям: типичная картина в Енисейском педучилище была налицо.

Горше бытовых неурядиц должна была тяготить столичного обывателя культурная обстановка. Самая красноречивая характеристика атмосферы, в которой оказался вчерашний отличник Ленинградского университета, печатавший свои научные работы наравне с профессорами – это строчка из листка учета кадров. Первое место работы: «Эрмитаж» – пишет Лурье, и ниже поясняет: «истор. музей в г. Ленинграде». Едва ли его специально просили сделать уточнение именно в этом листке. Видимо, он сам почувствовал такую необходимость по опыту общения в Енисейске.

На официальной Интернет-странице Лесосибирского пединститута²¹ дан краткий исторический очерк, опирающийся, как видно по тексту, на официальные отчеты былых времен. Между прочим сообщается, что «В кабинете самостоятельной подготовки была сосредоточена необходимая литература, проводились индивидуальные и групповые консультации. Через стенную печать и производственные совещания был организован обмен опытом самостоятельной работы. Особенно много времени уделяла этим вопросам кафедра всеобщей истории, и ее руководитель кандидат исторических наук Я.С. Лурье. В результате проделанной работы повысилось качество семинарских занятий, которые ранее носили форму школьного опроса».

Как видно, начальство ценило Лурье. Получив степень, он в 21 год уже заведовал кафедрой; дирекция выставляла его работу образцом для подражания – но ни это, ни богатое историческое прошлое города не прельстило его, и при первой возможности он вернулся за запад.

Выездная сессия столичной науки

В эпоху, когда едва ли не в каждом областном центре Сибири есть свой совет по защите исторических диссертаций, трудно представить, что поиск совета для защиты мог составить отдельную трудность. Но именно с такой трудностью столкнулся молодой преподаватель.

Один из документов защитного дела Лурье – характеристика на него как высоко квалифицированного, ответственного, общественно активного и политически выдержанного преподавателя, подписанная директором Енисейского учительского института Прохориным²². Выдана она «для представления в Иркутский госуниверситет». Дата не стоит (и мы не можем датировать по аналогии: и цвет чернил подписи Прохорика, и цвет чернил печати Енисейского государственного учительского института отличаются от чернил на листке учета кадров, датированном 23 марта 1942 г.), но похоже, что защита предполагалась изначально в Иркутске. Это не удивительно: именно в Иркутском университете работал в это время эвакуированный из Ленинграда Лурье-старший, здесь же Яков Соломонович сдавал с 13 по 16 февраля кандидатские экзамены (справка об этом датирована 17 февраля 1942 г.)²³.

Как сообщают сами иркутяне, «Работа Ученого совета по историческим и философским наукам началась в 1942 г. под руководством ректора университета, профессора Ни-

²¹ URL: <http://lpi.sfu-kras.ru/2017-07-10-03-47-39/2012-01-16-15-23-06> (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²² ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 6.

²³ Там же. Л. 8

колая Степановича Шевцова»²⁴. Месяц, как видим, не указан, а это могло бы быть важно. Не исключено, что в начале года у Лурье были надежды на скорое открытие совета в Иркутске, но дело затянулось, и Лурье переориентировались на Томск.

Томский университет – хранитель благородной старины
(Дореволюционная открытка)

Не исключено и влияние местных иркутских распрей. Как сказано в «Истории одной жизни», Иркутский университет «возбудил против [С. Я.] Лурье обвинение в сочувствии гитлеровскому фашизму и в стремлении его популяризировать. Оргвыводы, однако, не успели сделать, так как Лурье был вызван телеграммой президента Академии наук в Москву»²⁵. Яков Соломонович цитирует здесь «Автонекролог» своего отца, выдержанный в сатирическом стиле и потому, возможно, не лишенный преувеличений. К тому же «возбуждение обвинения» относится к декабрю 1942 г. (через полгода после защиты Якова). Но не исключено, что уже весной этого года «король бестактности»²⁶ успел достаточно испортить отношения с местным сообществом, чтобы ожидать со стороны коллег отместки на защите сына.

За исключением Иркутска выбор был невелик: либо далекий Ташкент, где собралось целое созвездие эвакуированных историков; либо старейший сибирский университет в Томске. Закрытый в эпоху ниспровержения устоев Истфак был восстановлен в Томске позже, чем в столичных университетах: до войны он успел проработать лишь один учебный год. Ушедшего на фронт декана заменила Зоя Яковлевна Бояршинова, сама лишь годом ранее получившая высшее образование и не имевшая даже кандидатской степени.

Эвакуация позволила в 1941 г. не просто расширить факультет и создать новые кафедры, запланированные еще до начала войны, но поставить во главе их остепененных и авторитетных специалистов. Кафедру истории средних веков возглавил профессор МГУ видный медиевист А. И. Неусыхин, кафедру новой истории – специалист по Великой французской революции, сотрудница академического Института истории Ф. А. Хейфец, во главе кафедры истории народов СССР встал еще один московский профессор Э. Н. Ярошевский.

²⁴ Логунова Г. В. Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 9–17.

²⁵ Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни... С. 177.

²⁶ Там же. С. 11–13.

Такое обилие остепененных историков дало основание томичам добиваться права защищать у себя исторические диссертации. Через полтора месяца после сдачи Яковом Лурье кандидатских экзаменов, 4 апреля 1942 г., Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) разрешил Томскому университету, начиная с 1 июля 1942 г., принимать к защите кандидатские диссертации по истории и филологии. Сколь важную роль в этом сыграло появление эвакуированных профессоров, показывает такой факт: после их отъезда на запад в 1943 г. ученый совет ТГУ утратил право рассматривать историко-филологические диссертации²⁷. Пока было открыто это «окно в науку», в него успели проскочить всего девять историков. В первой паре из этих девяти был и Лурье.

Состав перечисленных профессоров позволяет предположить ответ еще на один вопрос: почему оппонентами Лурье, со студенческой скамьи изучавшего русскую историю (хотя и в европейском контексте), стали зарубежники А. И. Неусыхин и Ф. А. Хейфец? Чтобы понять это, надо знать об атмосфере, сложившейся среди «томских москвичей». А. И. Неусыхин 15 марта 1942 г. в письме своему корреспонденту жаловался, что находится в Томске «в положении травимого зверя». Заводчиком травли был, по выражению Александра Иосифовича, «некий «историк-профессор» в кавычках Э. Н. Ярошевский», которому он посвятил целый абзац отборной интеллигентской брани, кое-где даже задрапированной ради приличия латынью: «Этот “канис филиус”, представляющий собой своеобразную помесь Чичикова и Ноздрева с Репетиловым, женат на КВШ (его жена – зав. отделом Пед. институтов и Университетов Липкина) и творит всякие гнусности именем этого почтенного учреждения, на беду находящегося в Томске. Он так живо напомнил мне Фридлянда и Пионтковского, что я не удержался и публично объявил ему, что он – клеветник и лжец (поверьте мне, что я при этом ни на йоту не отступил от истины). После этого он стал заявлять, что я в военное время призываю к академизму и действую так, как в Москве действовали в 1918 г. либеральные профессора, высланные впоследствии за границу»²⁸. В частности, Неусыхину вменялось обвинение в том, что руководимая им кафедра пединститута не перестроила свою тематику на оборонный лад. Всего десять дней спустя это закончилось слиянием «не перестроившейся» кафедры всеобщей истории ТГПИ с кафедрой истории СССР. Объединенная кафедра была дана под командование Ярошевскому, который одновременно стал и заместителем ректора ТГПИ, причем он же до середины ноября 1942 г. заведовал и кафедрой истории народов СССР ТГУ²⁹. Борец за «усиление политико-воспитательной работы среди молодежи» был, очевидно, хватким человеком: вся отечественная история в Томске оказалась в 1942 г. под его контролем.

Довольно очевидно в таком случае, что оппонентами надо было брать не отечественников, а всеобщников (благо диссертацию по русско-английским отношениям можно повернуть в любую сторону). Как узнал об этом молодой Лурье, не состоявший в переписке с Неусыхиным? Похоже, что Лурье-старший все-таки имел то ли источники для уяснения положения дел в Томске, то ли опыт общения с кем-либо из участников томского противоборства. Во всяком случае, главным помощником соискателя кандидатской степени стал тот из эвакуированных профессоров, кто оставил по себе добрую память в академическом сообществе.

Предзащитная лихорадка

Слово «помощник» из предыдущего абзаца требует пояснения. Обратимся к объявлению о защите. Сейчас такие выставляются на Интернет-странице диссертационного совета, томские вузы военной поры печатали их в газете «Красное знамя». Томский универси-

²⁷ Хаминев Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск, 2011. С. 57.

²⁸ Письма А. И. Неусыхина к Е. Е. Слуцкому, А. И. Рубину, Е. А. Неусыхиной (1942–1948) // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 342. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/05/22/1213970567/013_Neussyhin_Pisma_328-372.pdf (дата обращения: 01.08.2018 г.).

²⁹ Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 495.

тет лаконично сообщает, что 22 июля 1942 г. состоятся две защиты диссертаций, в т.ч. – Я. С. Лурье³⁰. Названы место и время действия; названа тема; названы официальные оппоненты – А. И. Неусыхин и Ф. А. Хейфец. О научном руководителе – ни слова. Не говорится о нем и в других документах, не сказано на титульном листе диссертации. У этой диссертации не было научного руководителя.

Присуждение степени зависело не только от историков
(Государственный архив Томской области)

Вообще-то Положения об аспирантуре, принятые в 1930-е гг., подразумевали наличие оплачиваемых государством научных руководителей³¹. Но, по-видимому, статус Лурье был иным. Говоря языком позднейшего времени, Яков Соломонович был соискателем: в аспирантуре не состоял, но диссертацию принес. В похожем положении, и как раз в Томске, оказалась Евгения Владимировна Гутнова – в будущем видный медиевист, а тогда молодой преподаватель. В своих воспоминаниях она рассказывает о том, как писала диссертацию летом 1942 г. «К осени она была в основном готова, и я отнесла ее А. И. Неусыхину как своему будущему оппоненту». После этого она приходила к нему «на консультации»³². Таким образом, роль оппонента (по крайней мере, одного из оппонентов) у «соискателей» не ограничивалась оценкой работы, оппонент оказывался сродни научному руководителю. «Неусыхин был прежде всего педагог, затем уже исследователь. Педагог он был великолепный, возился с нашим семинаром, с каждым из нас, у нас про-

³⁰ Красное знамя (Томск). 1942. № 67 (12 июля). С. 2.

³¹ Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 111–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoe-oformlenie-sistemy-sovetskoy-aspirantury-osnovnye-etapy-i-osobennosti> (дата обращения: 14.08.2018 г.).

³² Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. URL: <https://biography.wikireading.ru/194283> (дата обращения: 14.08.2018 г.).

исходили регулярные встречи. [...] Он любил нас, любил это дело, работал с нами бесконечно много» – так напишет много позже про своего учителя Арон Яковлевич Гуревич³³.

Итак: у молодого претендента на звание кандидата наук не было научного руководителя. Текст он писал по собственному разумению, ни с кем в подробностях не обсуждая. Лишь после установления официальных отношений с ТГУ он получил консультанта, задача которого – гарантировать соответствие работы существующим представлениям о диссертации. Таков первый вывод, который важно учитывать для понимания особенностей диссертации.

Еще один касается сроков. Самый ранний из документов, отражающих появление Лурье в Томске – это уже не раз упомянутая его автобиография, датирована 10-ми числами июня (часть второй цифры в дате уничтожена дыроколом; судя по оставшейся части, это не раньше 13-го и не позже 19-го июня). Через полторы-две недели, 28 июня 1942 г. Я. С. Лурье подал заявление ректору, писаное на четвертушке желтой бумаги, с просьбой допустить до защиты диссертации³⁴. В числе приложенных документов указана и диссертация в трех экземплярах. По всей видимости, Неусыхин за истекшие полторы-две недели прочитал диссертацию, обсудил с Лурье и сообщил секретарям свое принципиальное одобрение. Еще пять дней спустя, 3 июля, он поспешной рукой набросал краткий формализованный отзыв о том, что диссертация Лурье «представляет собою самостоятельное исследование, которое вполне может быть допущено к защите»³⁵ – надо полагать, к этому времени была завершена и доработка рукописи по замечаниям Неусыхина. Имея такой отзыв, можно назначать дату защиты. Двенадцатого июля читатели «Красного знамени», не ленившиеся разбирать петицию в подвале второй полосы, уже знали, что 22 июля состоятся защиты историков А. И. Ильиной и С. Я. Лурье³⁶.

В последний момент эта дата оказалась поставлена под сомнение: выяснилось, что из 45 человек членов ученого совета ТГУ на защите смогут присутствовать лишь 27–28, то есть кворум в 2/3 не будет набран. Задержка ставила дело на грань срыва: «т. Лурье, приехавший для защиты диссертации из Енисейска и имеющий командировку до 15/VII-1942г., не может дольше задерживаться в Томске» – сообщал ректор в специальном ходатайстве. Объясняя уважительные причины отсутствия членов Совета (командировки и болезни), ректор подчеркнул, что все отсутствующие – представители иных специальностей (геологи, биологи, физики), историки же будут присутствовать в полном составе. ВАК разрешил проводить защиту без кворума.

История с кворумом известна из документа, сохранившегося в архивном деле ТГУ³⁷ и являющего собой любопытную источниковедческую задачку. Это полностью оформленное отношение ректора ТГУ (бланк, подписи ученого секретаря и ректора, исходящий номер), датированное 21-м июля: накануне уже назначенной защиты. Надпись синими чернилами по диагонали на левом поле гласит: «Разрешается. И.о. ученого секретаря ВАК Романовец [?] 20/VII/1942». Как положено резолюции, размашисто написанные буквы частично перекрывают машинописный текст документа. Но ведь резолюция не может быть проставлена раньше, чем составлен документ. Объяснение этому странному явлению удалось найти не сразу. Даже если предположить механическую ошибку секретаря ВАК, поставившего 20-е число вместо 21-го, то каким образом документ, адресованный в столичное ведомство, успел еще до защиты 22-го числа вернуться в ТГУ? Ответ дают чрезвычайные обстоятельства военного времени: Комитет по делам высшей школы еще в 1941 г.

³³ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 22.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 10.

³⁶ В деле сохранился не датированный отпуск заявки из ТГУ в редакцию газеты о публикации объявления (Л. 13). В качестве желаемой даты публикации указано 12 июня 1942 г. Но поскольку объявление о защите не могло быть послано на публикацию раньше, чем автор диссертации подал заявление о ее защите, очевидно, что это случайная ошибка. Университет имел в виду 12 июля, и это пожелание было выполнено газетой.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 11.

был эвакуирован в Томск³⁸. ВАК как подразделение ВКВШ, конечно, тоже размещался в Томске. Защита Лурье происходила в диссертационной столице СССР 1942 года.

Чем июньско-июльская череда дат важна для нас? Мы видим, что енисейский гость томского университета был весьма ограничен во времени. В тот момент, когда он выполнял ритуал составления автобиографии в отделе кадров ТГУ, у него оставался месяц на все про все: и обсудить со специалистами, и поставить на защиту, и защитить диссертацию.

Замечания специалистов, требующие исправления – необходимая стадия работы над диссертацией. Обычно такая доработка завершается внесением исправлений и перепечаткой диссертации заново; корзина для бумаг отрезает возможность текстологического изучения. Но у Якова Лурье не было времени на переработку текста по итогам обсуждения: можно было лишь сделать исправления в уже отпечатанных экземплярах диссертации.

Свою лепту в определение облика диссертации внес бумажный голод военных лет. Выбрасывать лист, хотя бы одна сторона которого занята полезным текстом – непозволительная роскошь. Диссертация Лурье была отпечатана с двух сторон каждого листа. Мелкие исправления вносились от руки между строк. Ради крупных исправлений зачеркивался абзац, зачеркивалась даже вся страница (но не выбрасывалась: ведь есть текст на обороте!), рядом вставлялся литературный лист.

Вот почему мы имеем редкостную возможность видеть не только текст, но и его изменение, доработку уже после того, как диссертация была представлена в ученый совет, выбранный для защиты. Несколько исправлений, даже довольно крупных, связаны с техническими погрешностями (пропуск кусков текста машинисткой и т.п.) и не представляют особого интереса, другие не имеют однозначного объяснения. Но три правки несомненно обусловлены советами, полученными молодым человеком от старших товарищей. Эти правки дают полезные штрихи для личной характеристики автора диссертации.

Вдоль стенки коридора возможностей

Советские историки хорошо знали, что цензор подобен нерадивому студенту: его первостепенное внимание привлекают введение и заключение. Обе эти части подверглись существенным правкам в диссертации Лурье. Во введении правка коснулась концовки историографического обзора. Первая его версия (зачеркнутая) завершалась словами о необходимости полного пересмотра всех источников по данному вопросу, после чего как раз и следовал обзор этих самых источников. Во второй (конечной) версии эта мысль была, во-первых, сформулирована короче (что можно считать стилистической доработкой), а главное, предварена высказыванием о том, что настоящая работа «представляет собою попытку нового, марксистского[,] исследования по данному вопросу»³⁹.

Только здесь читатель впервые наталкивается на «марксизм-ленинизм» и осознает, что этого обязательного атрибута эпохи не было на предыдущих 12 страницах. В изначальном тексте только на с. 35 встречается имя Энгельса (и то не просто так, а для подкрепления тезиса о роли католическо-протестантских противоречий в мировой политике – тезиса, с помощью которого молодой автор показывает несостоятельность предыдущей историографии по своей теме).

Единственная отсылка к новейшей идеологической политике во введении – язвительная аттестация сочинений одного из дореволюционных авторов, касавшихся эпохи Ивана Грозного. «"Политика, опрокинутая в прошлое", чувствуется и в писаниях о русско-английских отношениях о XVI в. врагов "Современника"»⁴⁰. Имя М. Н. Покровского не

³⁸ Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф., Хаминов Д. В., Некрылов С. А. Краткий очерк истории Исторического факультета ТГУ // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д. В. Хаминов, С. А. Некрылов. Томск, 2008. С. 18.

³⁹ Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942. С. 12а.

⁴⁰ Там же. С. 6.

было названо, но излюбленное его определение истории, поставленное в кавычки, несомненно указывает, в чей огород пущен камень. Сын историка-профессионала дореволюционной закалки не преминул язвительно пройти по отступнику, сделавшему карьеру на отрицании дореволюционной исторической науки. В начале 1940-х М. Н. Покровского, посмертно осужденного за «антимарксистские извращения и вульгаризаторство», уже можно (и даже нужно) было упоминать иронически; однако в устах Лурье это явно не признак «идеологической дисциплинированности».

Самая крамольная часть диссертации: этот текст был не только зачеркнут, но и заклеен (Библиотека Томского государственного университета)

Получалось, что во всем введении в диссертации по истории (!), выполненной в Советском Союзе в разгар эпохи «Краткого курса истории ВКП(б)», нет ни одной отсылки к «классикам марксизма-ленинизма». О степени тяжести этого преступления свидетельствует А. Я. Гуревич. Он вспоминает упрек, предъявленный ему в конце 1940-х гг. одним бдительным сотрудником кафедры истории Средних веков МГУ: «Беру я недавно защищенную дипломную работу тов. Гуревича и что я вижу в ней? Там подробная библиография, но нет упоминания ни одной работы Маркса». «Я оторопел, – продолжает Гуревич. – Я был тогда в должной мере марксист, и в тексте работы у меня были ссылки на соответствующие главы «Капитала». Но черт меня дернул пропустить Маркса в библиографии!»⁴¹

Очевидно, старшие товарищи по ходу предварительного обсуждения работы указали юноше на его политическую неосторожность – и при подведении итогов историографии на с. 12а была сделана процитированная выше вставка начет марксистской сущности диссертации⁴². Еще одна «правоверная» вставка сделана на с. 50–51: параллель между Ива-

⁴¹ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 39.

⁴² От руки (по-видимому тогда, когда уже сделанный переплет не позволял допечатывать текст), на все той же странице 12а, аккуратным почерком дописана сноска: «К сожалению, в единственной капитальной марксистской работе, разбирающей вопросы внешней политики России в XVI веке ... русско-английским отношениям также не уделено внимания». Для чего понадобилась эта вставка? То ли это еще один реверанс в

ном Грозным и современными ему английскими монархами подытожена вписанной от руки цитатой из Маркса на ту же тему. В отличие от упомянутой ссылки на Энгельса, эта не имела содержательной ценности и была в чистом виде данью кумирам: теперь нельзя было упрекнуть автора в том, что диссертация не содержит ни одной ссылки на основоположника марксизма.

Наконец, самую значительную переделку претерпело заключение. Именно здесь автора наконец заставили показать «правильную актуальность» диссертации. Первые полторы страницы заключения – это научный текст: основные результаты диссертации в кратком изложении (они не вызвали возражений читателей). Затем автор попробовал сделать привязку к идеологии. В одном абзаце он сказал и о «марксистско-ленинском понимании исторического процесса», конечно же, давшем ему возможность получить качественно новый результат. И о классовой борьбе «и связанной с ней религиозной» борьбе в Европе, учет которой, опять-таки, дал новое понимание.

По-видимому, автор считал сразу два ритуальных поклона вполне достаточным обоснованием значимости. Но более опытные товарищи решительно отвергли столь застенчивую попытку продать научно-исторический товар ваковским чиновникам. Последние полстраницы первого листа «заключения» пришлось не только зачеркнуть (как в других случаях), но и заклеить (судя по коричневому цвету клеевых пятен, с помощью столярного клея). На наше счастье, клей со временем утратил силу, и приклеенная половина листа стала обычной вставкой. Она уже не скрывает напечатанного под ней текста, пересказанного выше.

Текст, приклеенный поверх зачеркнутого, выполнен – в отличие от всей остальной диссертации – под фиолетовую (а не черную) копиру и разительно отличается от зачеркнутого смелыми (поверхностными) аналогиями, а также бойким (газетным) стилем. История русско-английских отношений XVI века поставлена в контекст «трех попыток агрессивных держав подчинить себе всю остальную Европу». Второй из таких попыток названы Наполеоновские войны, третьей – «безумная авантюра Гитлера». Осторожно оговариваясь, что «какие-либо параллели между нашим временем, началом XIX и концом XVI века были бы натяжкой», автор, однако, тут же ссылается на речь В. М. Молотова о тесном союзе с Англией (фамилия Молотова при этом, в отличие от упоминаемого его английского коллеги А. Идена, предусмотрительно набрана заглавными буквами, согласно обычаям советского делопроизводства).

Впрочем, автор опять не укладывается в канон. Ясно, что цитата из Молотова должна дополняться апелляцией к Высшему Авторитету. Даже простой смертный, не следящий пристально за газетой «Правда», мог бы припомнить речь председателя ГКО 3 июля 1941 г. – ту самую, что открывалась знаменитым обращением к «братьям и сестрам». В ней вождь между прочим специально отмечал известное выступление Черчилля 22 июня, называя его историческим и могущим вызвать «лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза». Вместо этой или подобной отсылки Лурье самым ценным результатом своей работы называет выяснение того, что «самые передовые люди тогдашней Англии» «искали в русском народе силы, способные бороться против феодальной реакции». И завершает, вместо хвалы «великому Сталину» или хотя бы коммунистической партии, таким заявлением: «Пусть же эта работа будет одним из многочисленных выражений любви и уважения свободолюбивым традициям английского народа – народа, уже в течение трех лет противостоящего напору самой мрачной реакции, когда-либо существовавшей в истории»⁴³.

Лурье не собирался бодаться с дубом. Уже в изначальный текст он заложил ритуальные поклоны; проявил умение прикрывать «марксизмом-ленинизмом» не очевидные идеи; не отказался и от огрубления идеологических реверансов по совету (или по требованию)

сторону обязательной идеологии; то ли просто стремление продемонстрировать исчерпывающее знание литературы за счет добавления книги, которую поначалу автор не знал или не считал существенной. Сноска написана не таким почерком, как большинство авторских вставок: то ли Лурье обратился к обладателю более аккуратного почерка, то ли сам постарался дописать нарочито каллиграфически.

⁴³ Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения... С. 150.

коллег. Но и в изначальном тексте, и даже в исправленном проявил стремление сохранить, насколько возможно, интеллектуальную автономию.

Много лет спустя размышления над судьбой и творчеством И. Ильфа и Е. Петрова он подытожит такими словами: «Интеллигенция никогда (даже если бы она была едина) не могла сама по себе переменить ход истории в ту или иную сторону. Но каждый интеллигент может выбрать свой путь в обществе. Он может быть с «подлецами» или против них, он может быть порядочным человеком или же «помогать злодеям в их деле». «...Таких эпох, когда люди не могут хотя бы уйти от соучастия в смертельных преступлениях, нет», – писал Аркадий Белинков. Интеллигент может, наконец, думать самостоятельно, а не быть «непуганым идиотом» и не усматривать «великую сермяжную правду» во всем, что бы ни происходило вокруг него»⁴⁴.

Диспут с оппонентом и с самим собой

Судя по воспоминаниям Е. В. Гутновой, защита диссертации была не пустой формальностью. Тон на заседаниях ученого совета ТГУ, говорит она, задавали «ученые-естественники, весьма скептически относившиеся к истории». Гутнова защищалась лишь немногим позже Лурье (в начале ноября 1942 г.). Получив «несколько голосов против» (учитывая численность Совета – не менее 10 процентов), она этому не огорчилась, но обрадовалась.

Впрочем, возможность ожесточенного обсуждения была ограничена объективным показателем. Две защиты историков 22 июля начинались в 19 часов (таковы были порядки в эпоху борьбы за трудовую дисциплину). Даже если предположить, что участники заседания готовы были вернуться домой к полуночи, на каждую защиту приходилось никак не больше двух часов.

Отзыв А. И. Неусыхина: правленный, но подписанный
(Государственный архив Томской области)

⁴⁴ Курдюмов А. А. (Лурье Я. С.) В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983. С. 293.

Защита Лурье состоялась в назначенный день. Выписка из протокола от 22 июля 1942 г. лаконично сообщает: «Постановили: На основании доклада Я. С. Лурье о его диссертационной работе и отзывов официальных оппонентов присвоить Лурье Якову Соломоновичу ученую степень кандидата исторических наук»⁴⁵. Скорее всего, эта стандартная формула не означает отсутствия живого обсуждения за рамками официальных отзывов. Но пространный 10-страничный отзыв А. И. Неусыхина⁴⁶, действительно, мог стать предпосылкой для того, чтобы отказаться от долгих прений.

Нет сомнений, что и автор отзыва, и его слушатели воспринимали отзыв как положительный. В начале документа Неусыхин утверждает новизну работы и ее основательность, специально подчеркивая использование автором диссертации англоязычных источников и литературы. В конце – сдержанно, но весомо сообщает, что диссертация «представляет несомненную научную ценность» и перечисляет доводы в пользу этого, соглашаясь между прочим с главным тезисом автора (о том, что англичане имели в России не только торговые, но и политические интересы). Удовольствие Неусыхина выдают и отнюдь не клишированные похвалы за «ряд интересных и оригинальных, свежих и остроумных толкований источников», не говоря уже об «умении автора обращаться со сложными источниками и самостоятельно их исследовать» и о том, что автору «хорошо знакомы основные методы критики источников»⁴⁷.

Тем не менее, 9 из 10 страниц этого доброжелательного и уважительного отзыва – это критика диссертации, риторически довольно ярко поданная. Первую из двух частей диссертации Неусыхин назвал «анализом, страдающим излишней суммарностью, схематичностью и не отличающимся самостоятельностью»⁴⁸. Переходя к подробной критике этого раздела, оппонент пеняет автору именно за те псевдомарксистские клише, которыми тот, вероятно, пытался снискать благосклонность идеологически бдительных читателей. Одобряя включение действий английских дипломатов в контекст внутрианглийской политической борьбы (а это одна из главных мыслей Лурье: неудача в заключении союза в начале 1590-х гг. немало зависела от того, что посланный с этой миссией дипломат не хотел союза, принадлежа к противной партии), Неусыхин издевается над ярлыками, посредством которых эта борьба описывается в диссертации: «Следовало бы подробно показать, как именно связана дипломатия Уолсингема, Горсея и Флетчера с их пуританизмом и радикальным буржуазным мировоззрением»⁴⁹. Правда, в заключительных строках Неусыхин называет тезис о буржуазных тенденциях внешней политики Уолсингема «в общем правильным», но зато выше вполне определенно высказывается насчет «неубедительной гипотезы о наличии "международной буржуазной солидарности уже в XVI в., хотя бы в извращенной форме протестантской солидарности"»⁵⁰. Оппонент, таким образом, признает авторитет формационного подхода, но определенно высказывает недовольство декларативным использованием охранных клише.

Вызвала критику и вторая часть диссертации (хотя и достаточно хорошая, по мнению оппонента, чтобы издать ее печатно). Автор сочинения, по мнению Неусыхина, так и не дал «всецело убеждающего объяснения» того, почему русско-английские переговоры не удались ни на одном из этапов. Причина этой неудачи – «то, что диссертант слишком увлекся идеей противопоставления "мирового католицизма" и "мирового протестантизма"», тогда как корень дела – в «реальных интересах отдельных стран и различных общественных группировок внутри этих стран»⁵¹. Эту мысль Неусыхин иллюстрирует целым рядом примеров из диссертации, когда, по его представлению, несправедливость этой тенденции Лурье явно себя обнаруживает. Например, он цитирует слова о том, что

⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 14–18 об.

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 18 об.

⁴⁸ Там же. Л. 14

⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1096. Л. 17

⁵⁰ Там же. Л. 17 об.

⁵¹ Там же. Л. 14 об. – 15

враждебное отношение России к будущему Сигизмунду III как претенденту на польский престол в 1586 г. определялось опасностью объединения под его рукой двух российских врагов – Швеции и Польши. «Это совершенно реалистическое объяснение» – хвалит оппонент автора диссертации: Россия поддерживает своего кандидата из прагматических соображений (и дальнейшее противопоставление протестантизма с католицизмом излишне). Таким образом, опытный историк действительно дает молодому автору возможное объяснение, которое, не отвергая столь важного для Лурье включения в международный контекст, позволяет избавиться от схоластических схем и сделать изображение более реалистичным. Единственный недостаток совета Неусыхина в случае с Сигизмундом – то, что указанная оппонентом трактовка уже существовала до Лурье, о чем автор диссертации добросовестно сообщил читателям.

Весь этот спор не затрагивает, очевидно, ключевых выводов Лурье, основанных на тщательном разборе документов и касающихся хода русско-английских переговоров. Все это – лишь вопрос подачи сделанного автором результата, его вписывания в контекст. Тем не менее, именно этому вопросу посвящена львиная доля дотошного отзыва Неусыхина. Оппонент, как видно, подошел к своей задаче в лучших научных традициях. Десять страниц – далеко не предел оппонентской щедрости Александра Иосифовича. А. Я. Гуревич вспоминал о защите собственной (докторской) диссертации двадцатью годами позже: «Когда председатель совета объявил, что отзыв проф. Неусыхина содержит 44 страницы, напечатанных через один интервал, в зале закричали: "Огласите выводы!"»⁵².

Прошло двадцать лет. Миновало десятилетие преподавания в вузах Ленинграда, Мурманска и Петрозаводска; появилась монография по новой тематике (уходящей от Ивана Грозного вглубь по хронологической шкале); удалось устроиться на работу в главную цитадель советских исследований древнерусской литературы – Пушкинский дом. Накануне защиты докторской диссертации (1962 г.) Яков Соломонович в последний раз вернулся к кандидатской. В 1961 г. уже упоминавшаяся нами статья Лурье подытожила не только его попытки донести результат первого капитального исследования до историков, но и собственную эволюцию автора. Мнение ли Неусыхина оказало воздействие на Лурье, или, как это бывает у историков, жизнь помогла ему иначе понять историю и способы существования в современном пространстве, но только эта статья существенно отличается от диссертации по части оценок.

Преобразование произошло не в один момент. Уже в статье 1947 г. (первой из послезащитных публикаций) прямо указанный Неусыхиным сюжет об отношении русских правителей к Сигизмунду Вазе был изложен совершенно без упоминания католиков и протестантов. И в целом отношения между религиозными течениями отошли на задний план⁵³. Но все-таки сохранялись тезисы о союзе держав, действующих против России под католическими лозунгами, о противостоянии между католическими державами и Англией⁵⁴. И при переходе к описанию придворных английских группировок опять говорилось о «кругах буржуазии и обуржуазившегося дворянства» и о внешнеполитической программе кальвинистов-пуритан⁵⁵.

В 24-страничной статье 1961 г. «буржуазная солидарность» не встречается ни разу⁵⁶. О противоречиях между католиками и протестантами в общем виде вообще не говорится; они затрагиваются лишь на тех четырех страницах, которые непосредственно посвящены переговорам русских правителей с папой римским, и с конкретными цитатами из доку-

⁵² Гуревич А. Я. История историка... С. 133.

⁵³ Десять лет спустя, в статье 1957 г., "католическая реакция" была вынесена даже в заглавие (см. список литературы); но надо учесть, что это была статья для ежегодника Музея истории религии и атеизма, где Лурье в это время работал.

⁵⁴ Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 122.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ Правда, в этой статье сюжет об английских придворных партиях вообще не разбирается. Это логично, ведь статьи разных лет должны избегать явных повторов.

ментов⁵⁷. Все же прочие упоминания о борьбе между европейскими государствами и их представителями аккуратно ограничены пересказом конкретных фактов. Так сбылось не только доброе напутствие Неусыхина насчет опубликования второй главы, но и совет мастера о желательных исправлениях.

Защита кандидатской диссертации была одной из заранее запланированных ступеней профессионального становления Я. С. Лурье, и он целеустремленно шел к поставленной задаче, вопреки всем возникающим преградам – войне, необходимости работать в глухом Енисейске, невозможности защищаться в Иркутске, в конце концов, просто отсутствию кворума. Защита диссертации в 1942 г. не была Якову Лурье предопределена судьбой; эта защита проявила его умение маневрировать в быстро меняющихся обстоятельствах, обходить препятствия и, добросовестно выполняя свои обязательства, все же «не разменивать крылья на перья».

Список литературы

- Гуревич А. Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
- Гутнова Е. В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 463 с.
- Зимин А. А. Мой добрый и старинный друг // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 186–188.
- Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф., Хаминов Д. В., Некрылов С. А. Краткий очерк истории Исторического факультета ТГУ // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д. В. Хаминов, С. А. Некрылов. – Томск: Изд-во Томского университета, 2008. С. 8–35.
- Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с.
- Копржива-Лурье Б. Я. (Лурье Я. С.) История одной жизни. Париж: Atheneum, 1987. 267 с.
- Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
- Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 555 с.
- Курдюмов А. А. (Лурье Я. С.) В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Париж: La Presse Libre, 1983. 296 с.
- Логунова Г. В. Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 9–17.
- Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в. // ЛГПИ им. Герцена. Ученые записки. Л., 1947. Т. 61. С. 121–145.
- Лурье Я. С. Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства (конец XVI – начало XVII в.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 350–361.
- Лурье Я. С. Русско-английские дипломатические отношения во второй половине XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. Енисейск, 1942. 176 с.
- Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 419–443.
- Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875. 50+LII+440+XV с.
- Письма А. И. Неусыхина к Е. Е. Слуцкому, А. И. Рубину, Е. А. Неусыхиной (1942–1948) // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 328–372.
- Профессора Томского университета: биографический словарь. Т. 2. Томск: изд-во Томского университета, 1998. 544 с.
- Румянцев М. В., Семенова Е. В., Семенов В. И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25498>
- Солодкина Е. Н. Англо-русские отношения второй половины XVI – начала XVII вв. в отечественной историографии 1920-х – 2000-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 270 с.
- Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 111–115.

⁵⁷ Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 432–435.

L. D. Demidova*, A K. Kirillov**

The History of One Defense: Candidate's Dissertation of Y.S. Lurye as a Stage in the Historian's Evolution

Yakov S. Lurye was an outstanding Russian historian, an expert in source studies, investigator of Russian chronicles and publisher of different sources concerning the Medieval Russia. The period of his formation as a professional during the Great Patriotic War remains poorly known. It was in the city of Tomsk, in evacuation, one year after his graduation from the Leningrad University that he defended his candidate's dissertation (equivalent of PhD). This early work already reveals Lurye's inclination to study Russian history in the context of European events which let him promote significantly studies of the Russian-English relations at the 16th century.

Lurye's determination to preserve his intellectual independence is evident from the dissertation. It is only moderately that he adopts his research to the official ideology. Quotations from K. Marx and F. Engels are used by minimum; only after the consultant's advice a reference to a speech of V. Molotov was added.

The defense of dissertation by Yakov Lurye in Tomsk was not a provincial event. Leading professors evacuated from the capital cities, chairholders from the Tomsk university became his opponents; a classic of the Russian medieval studies Alexandre Neusykhin showed his interest and positive attitude in the opponent's statement. Teaching at Yeniseysk and defending the dissertation at Tomsk, Lurye remained at the front line of the Russian historical science.

The successful defense of dissertation in 1942 required Yakov Lurye's commitment and hard work. He used the very poor opportunities to reach his own goal and he did succeed.

Keywords: History of historical science, Yakov S. Lurye, Tomsk university, evacuation of science during the Great Patriotic war, English-Russian relations of the XVI century

Статья поступила в редакцию 16.08.2018

* **Demidova Larisa D.** – Candidate of Sciences (History), Specialized Educational and Scientific Center of Novosibirsk State University (SSCC NSU). E-mail: lardem.nsk@gmail.com

** **Kirillov Aleksey K.** – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Novosibirsk State University. E-mail: alkir.nsk@gmail.com